

соч. — 1994. — 10 стр. — С. 5-6.
В ОЗЕРОВ 134

ОЛДЯ

ожая душу и бере-
память чувством читаю
речитываю недавно вышед-
ый сборник стихов Юлии Дру-
ниной «Судный день», имеющий
подзаголовок «Последняя кни-
га». («Современный писатель»,
М., 1993). Последняя книга —
вдумываюсь я в это до жестоко-
сти правдивое определение. Ни-
куда от этого не уйдешь. А я-то
помню Юлю, Юлию Владимиро-
вну Друнину еще задолго до
первой ее книги, еще до поступ-
ления ее в Литературный инсти-
тут. Прошло полвека. Начала и
концы сошлись.

В книге «Судный день», пред-
варенной прочувствованным,
болевым предисловием Татьяны
Кузовлевой, есть стихи послед-
них лет и начальных, и имеется
«вставная новелла» — перепис-
ка мужа и жены, двух друзей
— Алексея Каплера и Юлии
Друниной, вернее, так: даны его
письма и телеграммы и ее отве-
ты в стихах. Рукопись книги
«Судный день» двадцатого но-
ября 1991 года — перед само-
убийством — была автором по-
ложена на рабочий стол на вид-
ном месте. Книга заветная, кни-
га-прощание. И теперь,

вчитавшись в нее, могу сказать:
книга-возвращение — через па-
мять, через поэзию — к людям.

*Могильная нас разделяет
ограда,
Уже ничего, дорогие, не надо.
Спасибо, но поздно,
Простите, но поздно...
А небо так звездно,
А время так грозно...*

И снова, и снова все тот же
настойчивый, проходящий через
всю жизнь Юлии Друниной, мо-
тив:

*Я родом не из детства —
из войны.
Прости меня —
в том нет моей вины...
Можно сказать: в книге ото-
бразилась жизнь ее автора. Но
лучше сказать — в книге запека-
лась ее жизнь. Как говорят о
крови.*

Вот несколько моих сведен-
ных воедино записей разных
лет.

В конце войны я получил в
Литературном институте две
тетради, сплошь заполненные
стихами. Мне сказали, что автор
— санинструктор, была ранена.
К первой тетради приложено
письмо: «Пишу вам, лежа под

танком». Лучше не придумаешь.
Танк заменил самоходку, так
как писавшая не надеялась, что
в тылу знают, что это такое —
самоходка. «Я работаю в танко-
вом полку, так же, как и в пехо-
те, санинструктором. Здоровье
мое после ранения совсем по-
правилось. Фронтовая жизнь —
лучший врач».

В тетрадях было много лири-
ческих подробностей, выражен-
ных непосредственно и без утай-
ки. Вроде такого: «Жаль, что се-
бя отдавала такому большому
нулю». Я не застревал на такого
рода строках. Перечитав стихи,
я выделил особо три миниатю-
ры. Когда пришла Юлия Дру-
нина и мы с ней познакомились
и разговорились, я взял в руки
тетради с закладками и прочи-
тал вслух:

*Качается рожь несжатая,
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы — девчата,
Похожие на парней.*

*Нет, это горят не хаты —
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.*

Под стихами дата — 1942.
Юля смотрела на меня широко

раскрытыми глазами. Что слу-
чилось? Ее стихи читает чело-
век, старше лет на десять, чело-
век, ведущий семинар в Литера-
турном институте, куда она меч-
тает попасть. Попала. Была в
моем семинаре. Росла стреми-
тельно. Ей было о чем сказать
людям. Был высокий повод для
высказывания.

— Это первое из выбранных
мною. Первое, сейчас будет второе.

*Я только раз
видала рукопашный.
Раз — наяву и сотни раз
во сне.
Кто говорит, что на войне
не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Под стихами дата — 1943.

Это стихотворение я прочитал
наизусть. Оно запомнилось лег-
ко и, как впоследствии оказа-
лось, — на всю жизнь.

— И вот третье, 1942 года,
 послушайте:

*Я ушла из детства
В грязную теплушку,
В эшелон пехоты,
В санитарный взвод.*

Я прочитал только полови-
ну первой строфы и сказал:

— Ну, дальше вы все знаете.
Помните? — спросил я автора.
И автор ответила: — Конечно
помню... — и улыбнулась так,
что лицо ее осветилось, и я по-
нял справедливость толстовски
слов: красиво то лицо, на кото-
ром хороша улыбка.

— Вот, Юля, главные стихи.
Стихи-магниты. К ним пото-
присоединятся многие другие.
Держитесь за эти три стихотве-
рения. Строительный материа-
надолго. Это ворота в ваш мир.

Три кита были названы
Дальнейшая жизнь подтверди-
ла название и смысл, содержа-
щийся в них. Любопытно, чт

(Окончание на стр. 6).

Вслед за публикацией

К ВЛАСТИ, ЛИДЕР НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИКОВ ВЫШЛАЕТ ИЗ РОССИИ ПИСАТЕЛЯ ЛИМОНОВА

у-ны, на демонстрации узнают,
согн людей бегут за автогра-
фами. А может быть, тысячи... В
я. в общем — много!

в — Вам уже стукнуло полвека.
в. Время обзаводиться учениками.
ч. Вы чувствуете дыхание в затылок?

На — Россия всегда была богата
ал талантами. Но вы сами видите
сь ситуацию в издательском мире.
но. Молодежи сейчас трудно проби-
ваться и печататься. К тому же
ци. надо учесть, что писатель стано-
ас. вится известным с запозданием:
ни. если ему везет — на 10 лет; лю-
из. ди со сложной судьбой, как я,
со. куда позднее. В России моя пер-
их. вая книга вышла через 16 лет
го. после написания. Таланты есть,
го. но мне они пока не известны.

ци. — Вигель писал о Пушкине,
ть. что сама судьба совала его в
ся. среду недовольных. Вас судьба
ли. сует в гущу событий. Не пыта-
ли. лись побить?

ни. — Не сует... Я сам это делаю.
Почему я оказался у Останкино,
и. прямо перед пулеметом, закури-
ть. вая с Константиновым? У меня
ли. на глазах ранили моего лучшего
из. друга. При мне были ранены и
га. убиты иностранные корреспон-

денты. Я выполз — и ни один
царапины. Художник обяза-
тельно быть в гуще всего этого.

— С пером или автоматом?
— К сожалению, у Останки-
автомата у меня не было. Хо-
автомат там не решил бы де-
Даже десять автоматов...

— Тогда бы вы здесь не си-
ли. Вы сами видели, как пост-
пали с теми, кого застукали
автоматом.

— От судьбы не уйдешь.
фаталистически относиться к э-
му. И потом — лучше получи-
пулю в лоб, чем умереть в сво-
постели.

Беседов
Александр ЩУПЛ
при участ
Дениса КАРЕЛО

P.S. Кстати, в завершение
седы корреспонденты «КО» с
зали: «Если Лимонов и его
ционал-большевистская пар-
придут к власти, то первым
лом — на основании своей п-
граммы — они должны бу-
выслать из России писателя
Лимонова!»

Эдуард Лимонов согласилс-

*Мелко мечи титанов
оставил в себе,
перенести Смутное время
и счастливо оказаться
в более или менее благоустраенном
облчестве.*

Э. Лимонов